

**О БЕСПРЕЦЕДЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
СИТУАЦИИ,
ИЛИ ЧТО ДЕЛАТЬ?
(ЗАДАЧИ ДЛЯ ЭКОНОМИСТОВ)**

doi: 10.25728/coronacrisis.2020.13-matkovskaya

Современное мировое сообщество находится в беспрецедентной ситуации, когда крайне сложно делать прогнозы, за которые можно взять на себя ответственность. Но необходимость в этом существует, однако при этом важно соблюдать научную этику и дисциплину научного познания, изложения своих идей, необходима еще более тщательная проверка любой гипотезы и теории. Беспрецедентность ситуации обусловлена не столько тем, что ВОЗ объявлена пандемия (впервые с 2009 года), растущей угрозой распространения вируса, низкой прогнозируемостью его мутационного поведения, что входит в область исследования биологических и медицинских наук, сколько реакцией со стороны населения, международных, правительственных и коммуникационных институтов, не говоря уже о карантинных мерах, не знакомых человечеству в таких масштабах, а также того, что эпидемия сопровождается рядом других проблем, оказывающих на экономики стран решительное воздействие – падение цен на нефть вследствие столкновения интересов нескольких основных групп влияния.

Структурируя сказанное, следует отметить и то, что беспрецедентность современной ситуации имеет общий и частный характер проявления. Первый обусловлен тем, что большинство из перечисленных и имеющих место в современном мире фактов не имеет аналогов в прошлом, а значит и нет ранее проверенных моделей для решения этих проблем (приостановка производств, дистанционная занятость, как результат карантинных мер, что происходит на фоне информационного хаоса и панических настроений). Общий характер проявления состоит в том, что мировая экономика еще не испытывала на себе такого давления одновременно как со стороны состояния

здоровья населения, так и со стороны падения системообразующих для всех экономик цен на энергоресурсы, на фоне последствий финансово-экономического кризиса и усиления позиций нерегулируемых рынков деривативов и криптовалют. Эти факты говорят о том, что решать возникшие проблемы необходимо новыми способами, разрабатывать новые подходы, которые позволяли бы регулировать значительное число хозяйственных процессов, в том числе и с использованием цифровых технологий. Важнейшими фигурантами прогрессивных действий на сегодняшний момент и на перспективу должны стать представители медико-биологических направлений научной мысли, специалисты в сфере информационных технологий, которые должны создавать условия для реализации всех необходимых практик, и экономисты, перед которыми стоит задача формирования новых механизмов сбора, анализа и систематизации данных, прогнозирования, моделирования и разработки методов и способов принятия управленческих решений на всех уровнях.

Таким образом, современная экономика и общество находятся под одновременным гнетом трех факторов воздействия: объективных факторов, обусловленных коронавирусом, экономических факторов (обусловленных падением цен на нефть и приостановкой ряда производств) и информационно-коммуникационных факторов, гипертрофирующих негативные воздействия первых двух. Обратим внимание только на динамику прогнозов, которые предлагались авторитетными источниками информации за этот период. Например, в феврале 2020 года специалисты аналитической компании Oxford Economics представили два сценария: если коронавирусная эпидемия не распространится за пределы Азии, то ущерб от нее составит 0,4 трлн. долл., а если распространится (в США и ЕС), что уже произошло – 1 трлн. долл. с последующей рецессией [1], что повлияет и на снижение темпов роста экономики 3,5% до 0,5%, по мнению председателя швейцарского банка UBS Group Акселя Вебера [1].

Оценивая ситуацию, в феврале ЮНКТАД оценила потери мировой экономики от коронавируса в 50 млрд. долл., которые распределились следующим образом: убытки ЕС – 15,5 млрд. долл., США – 6,8 млрд. долл., Япония - 5,2 млрд. долл., Южная

Корея – 3,8 млрд. долл. [2]. А позже, в первой декаде марта 2020 года, ЮНКТАД представила и свой прогноз, согласно которому ущерб от пандемии коронавируса составит 2 трлн. долл., причем на долю развивающихся стран (без КНР) придется 220 млрд. долл. В этом же докладе сделаны предположения о российской экономике, для которой прогнозируется рост всего в 0,5% (вместо ранее спрогнозированных ей же в 1,7%) [3], уже делаются прогнозы о потерях в 3 трлн.долл. и более.

Специалистами Мюнхенского института экономических исследований были оценены возможные потери от коронавирусной пандемии для германской экономики в размере 255-729 млрд. евро и сокращение ее экономики в пределах от 7,2 до 20,6% [4]. Следует предположить, что через определенное время появятся и новые пессимистические прогнозы.

Не стремясь участвовать в гонке прогнозирования, автор предлагает сравнить прогнозные оценки потерь от коронавирусной пандемии с фактическими данными о потерях, которые понесла мировая экономика от стихийных бедствий. Например, в РФ в 2019 году государственные расходы на устранение последствий составили значительную сумму, хотя еще невозможно учесть размеры потерь, которые возникнут вследствие чрезвычайно теплой текущей зимы (прогнозируются ранние лесные пожары, засухи, обмеление рек, прежде всего Волги). Наиболее значимые расходы бюджета были связаны с устранением последствий паводков в Иркутской области (40 млрд. руб.), на Дальнем Востоке (2 млрд. руб.), пожары в Сибири оценены в пределах 7-10 млрд. руб., но максимальный ущерб, по данным Минприроды, составит 20 млрд. руб. [5]. В целом отмечается, что в России в последние два десятилетия вообще произошло резкое, более чем двукратное, увеличение ущерба от стихийных бедствий. Среднегодовой ущерб от них составляет 675-900 млрд. руб., и, согласно прогнозам МЧС, в ближайшее тридцатилетие ежегодные расходы по данной статье будут только расти [6].

Согласно данным ООН, мировые потери от стихийных бедствий составили за 20 лет 3 трлн. долл., причем почти 80% связаны с климатическими явлениями, и привели к гибели 1,3 млн. чел (7255 катастроф) [6], а согласно данным Всемирного

Банка за последнее тридцатилетие суммарный ущерб мировой экономике в результате стихийных бедствий составил 4 трлн.долл. [7].

Приведем в связи с этим позицию академика РАН Б.Н.Порфирьева, озвученную им в докладе на заседании Президиума РАН об анализе природных катастроф за 1980-2010 годы. Б.Н. Порфирьев указывает на наличие санирующего эффекта от природных катастроф и отмечает, что «природные бедствия выполняют функцию своеобразного натурального эксперимента с экономической системой» [8, с. 24], рассматривает их «как фактор экономического роста» и отмечает, что «стихийные бедствия, за исключением засух в развивающихся странах, по большому счету не представляют существенной проблемы для развития национальной экономики в целом, особенно в средне- и долгосрочном плане» [8, с. 24], а также считает их воздействие аналогичным «созидательному разрушению» инновационной предпринимательской деятельности, ссылаясь на труды Й. Шумпетера [8, с. 25]. Несмотря на дискуссионность, с автором в отношении сегодняшней ситуации, возможно, в некоторой мере следует согласиться, по крайней мере, в том контексте, что всеобщая приостановка производственных процессов может помочь современной экономике избежать капиталистического кризиса перепроизводства, которое пока не состоялось, но имело обширные для этого предпосылки.

Между тем, сопоставление данных о потерях экономики в результате природных бедствий и прогнозов относительно потерь экономики от коронавирусной пандемии вызывает вопросы к методологии этих прогнозов. Не исключено, что новые, предвещающие еще более высокие потери мировой экономики, прогнозы будут появляться еженедельно. Вместе с тем, 6 апреля 2020 года правительство Германии, например, сообщило, что выделяет 1,137 трлн. евро «на мероприятия по поддержке экономики в условиях эпидемии коронавируса» [9], но это, на наш взгляд, не потери, а инвестиции в здравоохранение и человеческий капитал.

Однако сравним с другими эпидемическими событиями, потрясавшими человечество в обозримом периоде времени. Считается, что из 5 млн. ежегодно заболевших ОРВИ в мире до

0,5 млн. человек умирают (10%-ная смертность), по оценкам некоторых американских экспертов, сделанных до коронавирусной пандемии, ежегодные убытки от ОРВИ составляют 167 млрд. долл. (для экономики США). Аналогичный уровень смертности зафиксирован и относительно коронавируса.

Известно, что самое большое количество жертв принесла пандемия 20-х годов XX века – «испанка» (вирус H1N1), которая, как считалось длительное время, привела к смерти порядка 20 млн. человек, хотя более поздние оценки привели экспертов в этой области к выводу о том, что количество жертв этого вируса вдвое больше. Совокупный ущерб от так называемых «азиатского» и «гонконгского» гриппов (1957-1968 гг.) превысил показатель в 1,5 млн. чел. и привел к ущербу в 32 млрд. долл. Эпидемия «птичьего» гриппа (H5N1) в 2003-2005 гг. не привела к таким человеческим жертвам, поскольку не передавалась от человека к человеку, а также благодаря серьезным и капиталоемким санитарно-эпидемиологическим мерам, но материальный ущерб от нее превысил 10 млрд. долл. для стран Юго-Восточной Азии, хотя по оценкам того времени, сделанным Всемирным Банком, она могла привести к двухпроцентному падению ВВП и к ущербу в 800 млрд. долл., мировой ущерб от атипичной пневмонии в этот же период составил 59 млрд. долл. и привел к гибели 900 человек [10].

Говоря о возможных потерях российской экономики от коронавирусной пандемии, приведем и другие данные, которые характеризуют относительно спокойный в эпидемиологическом отношении период 2012-2014 гг. Так, экономические потери Российской Федерации от заболеваемости населения за 2012-2014 гг. (по различным болезням) составили по годам, соответственно, 296032750 руб. (2012), 289258832 руб. (2013), 277360384 руб. (2014) [11], то есть в среднем ежегодные потери составляли порядка 290 млн. руб.

Безусловно, распространение заболеваемости коронавирусом растет высокими темпами, при условии характерного для него длительного инкубационного периода и сложности выявления заболевших, на фоне этих данных, в обществе (не только в российском) неминуемо возникают вопросы о полноте получаемой им информации, что обусловлено сложностью понимания пропорций относительно информации о

человеческих потерях в сравнении с предыдущей объявленной ВОЗ пандемией 2009 года, например, и размерами экономических убытков, которые несут население ряда стран, значительная часть бизнеса и государства (бюджеты стран). Возникают и вопросы относительно позиции правительства Швеции, не предпринимающего каких-либо карантинных мер по аналогии с другими государствами. Позицию шведского правительства можно объяснить как более здравым, не поддающимся панике поведением, так и безрассудством и халатностью, или тем, что оно придерживается мальтузианских взглядов и ожидает санационного эффекта, не испытывая таких миграционных проблем, какие испытывают на себе другие европейские страны. Но при этом можно с уверенностью сказать, что если бы такую позицию заняло российское правительство, общество восприняло бы ее негативно, в отличие от шведского общества, которое продолжает жить в рамках сложившегося в нем общественно-политического и социально-экономического уклада.

Нельзя не отметить, что новую почву для построения прогнозов, дискуссий и выводов получили те, кто разделяет «теорию заговора» во всех ее вариациях. Отвергая вероятность коронавирусного «заговора», отметим, что даже на гипотетическом уровне вряд ли можно было бы допустить существование таких сепаратных сговоров, в силу того, что нет фактов проявления интересов субъектов, выигрывающих в этом процессе (например, произошло серьезное падение индексов экономик, в феврале 2020 года в результате падения цен на нефть и эпидемической паники, миллиардеры «из первой двадцатки рейтинга Forbes потеряли в общей сложности почти \$40 млрд.» [1]), а также в силу дифференциации интересов субъектов современной экономики, которые могли бы, во-первых, оказывать такое решающее воздействие на экономику, а во-вторых, располагали бы такой общностью интересов. Схожий (или подобный) сценарий – некий олигополистический сговор – станет, на наш взгляд, реально возможным только в тех условиях, когда возникнут серьезные альтернативы современным углеводородным источникам энергии (во-первых), появятся соответствующие бизнес-модели (во-вторых) и политические силы (в-третьих).

Переходя к итоговой части, отметим, что специфика современного момента состоит и в том, что, так как спада в распространении этой эпидемии не наступило, еще не определен ее временной горизонт, существуют серьезные сложности в установлении того, на каком этапе кривой жизненного цикла эта пандемия и мировая экономика вместе с ней находятся: существенные трансформации, кроме формального закрытия границ, еще не произошли, но мы можем наблюдать предкризисные явления практически во всех секторах современной экономической системы (в первую очередь, туризм, транспорт, сельское хозяйство, машиностроение и др.). Отсутствие информации об этом не дает нам пока логических оснований сделать столь нужные прогнозы, сформировать научно обоснованные сценарии и приступить к формированию концептуальных моделей экономического поведения различных участников общественно-экономических процессов, к разработке наиболее перспективных в период подобных событий планетарного или регионального характера способов решения такого рода проблем.

Между тем коронавирусная пандемия вскрыла все проблемы современной мировой экономики и мироустройства: ресурсные, проблемы здравоохранения, проблемы цифровизации экономических процессов, миграции, кредитных отношений, ценообразования, малого и среднего бизнеса, региональных взаимоотношений и т.д. Ситуацию усложнили и проблемы ресурсоориентированности экономик. В этом смысле дело даже не в коронавирусе, а в глубоких противоречиях, сложившихся в современном мироустройстве, которые должна была бы решать ООН и ее подразделения (в отношении здравоохранения и контролирования цен на нефть, например, в других вопросах, которые скоро наверняка встанут не менее остро). Априори организации, входящие в систему ООН, призваны способствовать улаживанию всевозможных межрегиональных конфликтов, смягчению экономических проблем (а не потаканию санкционным мерам), решению проблем здравоохранения, интересам всех государств, а не избранных, в том числе и справедливому ценообразованию в сфере ресурсов. Из-за недостаточного выполнения ими этих задач и возникает значительная часть проблем современного общества.

В любом случае, можно заключить, что и причиной, и следствием коронакризиса является глобализация. Следует надеяться, что она же и создаст возможности для разрешения этой и аналогичных проблем. В ином случае, будущее мироустройство станет аглобалистичным. Но это – в большей степени вопросы, которыми нам необходимо будет заниматься позже, а сегодня, наверное, более актуально рассматривать два новых вида экономики – «экономика пандемий», как модель экономического хозяйствования, к которой следует прибегать в тех случаях, когда возникает подобная угроза, – это должен быть отлаженный механизм, прецеденты для которого созданы в теоретических конструкциях «военной экономики». Эта задача сегодня поставлена сложившейся ситуацией, и решать ее предстоит теоретикам экономики. Другая модель, вызовы к созданию которой сегодня налицо, – это модель посткоронавирусной экономики. Сегодня уже очевидно, что в результате происходящих процессов прежняя модель мирового устройства будет трансформирована в новую, и это другая задача, стоящая перед экономистами, способными рассматривать всю экономическую систему на концептуальном уровне как единое целое и разрабатывать стратегическое ее видение.

Пожалуй, все-таки следует сделать достаточно оптимистичные структурные прогнозы для посткоронавирусной экономики. Первый из них состоит в том, что качество здравоохранения в мире, безусловно, улучшится, состоится скачок в развитии эпидемиологии и вирусологии, расширится число больниц (но это не снимает вопроса о равномерности распределения этих благ), а второй – в том, что произойдет расширение масштабов и глубины потребления экономикой цифровых технологий (если после карантина «скайпы» не «набьют оскомину» у всех пользователей), изменится структура занятости и, возможно, во взаимодействии с сырьевым кризисом приведет экономику планеты к сокращению потребления неэкологичного углеводородного сырья и создаст условия для перехода к новой энергетической эре, а значит, и к новому технологическому укладу. Это только расширяет количество проблем, нуждающихся в исследовании, создает прецеденты для интенсивной работы экономистов разных уровней, которым необходимо осмыслить и предоставить обществу, бизнесу и государству адекватные модели развития экономики.

Литература

1. «Очень острый шок»: ущерб мировой экономике от пандемии коронавируса оценили в \$1 трлн // URL: <https://www.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.forbes.ru%2Fnewsroom%2Fobshchestvo%2F393807-ochen-ostryy-shok-ushcherb-mirovoy-ekonomiki-ot-pandemii-koronavirusa>; Coronavirus pandemic could cut world GDP by \$1tn // URL: https://www.oxfordeconomics.com/my-oxford/publications/540003?utm_content=117975206&utm_medium=social&utm_source=twitter&hss_channel=tw-174586205.
2. Мировые экономические потери от коронавируса составили в феврале \$50 млрд // <https://www.finam.ru/international/newsitem/mirovye-ekonomicheskie-poteri-ot-koronavirusa-sostavili-v-fevrale-50-mlrd-20200306-10170/>.
3. В ООН подсчитали потери для мировой экономики из-за коронавируса // Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/7931173>.
4. В ФРГ подсчитали возможные потери экономики страны от эпидемии коронавируса // Международная жизнь. Журнал. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25741>.
5. Стихийные бедствия, ударившие по России в 2019 года// <https://news.rambler.ru/disasters/43450448-stihiynye-bedstviya-udarivshie-po-rossii-v-2019-goda/>.
6. Потери от природных катастроф за 20 лет составили почти 3 трлн долларов // https://fingazeta.ru/ekonomika/mirovaya_ekonomika/451565/.
7. Природным катастрофам выписали счет // <https://www.kommersant.ru/doc/2504449>.
8. Порфирьев, Б.Н. Экономика природных катастроф // Мир новой экономики. - 2015 - № 4. – С. 21-40.
9. Германия выделила более 1 трлн евро на борьбу с коронавирусом. 6 апреля 2020 // URL: <https://www.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fvz.ru%2Fnews%2F2020%2F4%2F6%2F1032788.html>.
10. Вирусные эпидемии в мире и их экономические последствия. <https://ria.ru/20090427/169343119.html>.
11. Брутова А.С., Обухова О.В., Базарова И.Н. Экономические потери Российской Федерации от заболеваемости

населения за 2012-2014 гг. Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2017; 2(28): 44–48. Brutova A. S., Obukhova O. V., Bazarova I. N. Economic Losses of the Russian Federation Caused by the Morbidity of Population in 2012-2014. Medical Technologies. Assessment and Choice. 2017; 2(28): 44–48.